

Н. Максимейко

**Источники уголовных законов Литовского
Статута**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Максимейко**
Источники уголовных законов Литовского Статута / Н. Максимейко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 190 с.

ISBN 978-5-4241-8963-0

ISBN 978-5-4241-8963-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

II

чаются такія выраженія, какъ *персона господарская, маестатъ господарскій* и т. п. Это термины римскаго права. Естественно, что они наводятъ на мысль, не есть ли этотъ кодексъ искусственное созданіе ученыхъ юристовъ, воспитанныхъ въ понятіяхъ римскаго права?...

Обращаясь къ литературѣ, трактующей объ этомъ вопросѣ, мы легко убѣдимся, что онъ не можетъ считаться вполне разрѣшеннымъ.

Въ русской литературѣ со времени Даниловича традиціонно держится мнѣніе, что Л. Статутъ есть памятникъ русскаго права. Но во-первыхъ, въ доказательство этого положенія довольствовались обыкновенно указаніемъ сходства между нормами Р. Правды и Л. Статута, мало вниманія обращая на отличительныя особенности послѣдняго, между тѣмъ какъ убѣдительность высказываемаго воззрѣнія значительно бы возросла, если бы оно доказывалось не только съ положительной, но и съ отрицательной стороны, т. е. еслибы выяснено было, что эти отличія Л. Статута отъ Р. Правды не могутъ свидѣтельствовать о томъ, что въ Л. Статутѣ выражено не русское право. Во-вторыхъ, истинность даннаго мнѣнія не доказывалась и приѣмомъ сравнительнымъ, т. е. посредствомъ сравненія законовъ Л. Статута съ соответствующими постановленіями польскаго законодательства, нѣмецкихъ кодексовъ и т. п.; между тѣмъ и съ этой стороны важно отмѣтить, что въ Л. Статутѣ заключается право не польское и не какое либо другое, а только русское.

Такимъ образомъ, вопросъ о національномъ характерѣ Л. Статута разрѣшался методомъ недостаточнымъ.

Этотъ недостатокъ русскихъ изслѣдованій о Л. Статутѣ чувствуется тѣмъ сильнѣе, что въ польской литературѣ высказывается (впрочемъ, совершенно голословно) мнѣніе противоположное, будто Л. Статутъ былъ мѣстнымъ кодексомъ польскаго права.

Въ виду всего этого я остановился на той мысли, что наиболѣе положительныя и прочныя заключенія по данному вопросу могутъ быть получены только путемъ изслѣдованія источниковъ Л. Статута; изъ такого изслѣдованія, совмѣщающаго въ себѣ всѣ упомянутыя приемы аргументаціи, видно будетъ, насколько этотъ памятникъ русскій, и какая дѣйствительная примѣсь иноземнаго права вторглась въ него.

III

Правда, я рассматривалъ только уголовную часть памятника; но она является настолько обширной, что выводы относительно нея могутъ быть примѣнены во всему Статуту.

Таковы принципиальныя основанія, побудившія меня остановиться на предметѣ настоящаго сочиненія. Но кромѣ того, были еще случайныя обстоятельства, обусловившія для меня выборъ темы и объясняющія, почему я ограничился источниками однихъ уголовныхъ законовъ, а не всего памятника.

Предлагаемая работа вызвана была студенческимъ сочиненіемъ, удостоеннымъ въ 1892 г. по присужденію юридическаго факультета, награды золотой медалью. Предметомъ этого сочиненія было „уголовное право Л. Статута въ связи съ развитіемъ русскаго уголовного права вообще.“ Центральныя части его, т. е. ученіе о преступленіи и наказаніи по Л. Статуту, обработаны и изданы другими¹⁾. За вычетомъ же названныхъ частей въ моемъ распоряженіи остался отдѣлъ объ уголовномъ законѣ Л. Статута въ связи съ другими (предшествующими и послѣдующими) памятниками русскаго уголовного права. Изъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ обширную сферу этихъ вопросовъ, я рѣшился представить читателю свои выводы только объ источникахъ уголовныхъ законовъ Л. Статута, имѣя въ виду воспользоваться той частью студенческаго сочиненія, въ которой затрогивался данный вопросъ, насколько то требовалось сущностью предложенной темы. Впрочемъ, почти весь матеріалъ, извлеченный изъ него для этой цѣли, былъ существенно переработанъ, а главнымъ образомъ дополненъ особенно въ тѣхъ главахъ, которыя обсуждаютъ вопросы объ иноземныхъ источникахъ Статута, до сихъ поръ совершенно неразработанные въ литературѣ. Трудность работы усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мнѣ пришлось производить ее въ такое время, когда у меня были другія срочныя занятія, имѣвшія мало отношенія къ ея предмету.

Совокупностью всѣхъ изложенныхъ причинъ, обусловившихъ появленіе настоящаго изслѣдованія, опредѣлились также особенности и недостатки въ его выполненіи, недостатки, которые ясно сознаются

¹⁾ Г. В. Демченко: „Наказаніе по Литовскому Статуту“. Кіевъ, 1894. І. А. Малиновскій: „Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту“ (сочиненіе печатается).

IV

мною, но которые, при нынѣшнемъ состояніи литературы вопроса и при моихъ личныхъ условіяхъ, устранить я не могъ.

Въ заключеніе долженъ еще сказать, что во все время работы я пользовался любезнымъ содѣйствіемъ со стороны проф. Михаила Флегонтовича Владимірскаго-Буданова, за что и выражаю ему здѣсь свою искреннюю признательность.

ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ ЛИТОВСКАГО СТАТУТА.

Глава I.

Общій обзоръ источниковъ уголовныхъ постановленій Литовскаго Статута.

I.

Русскія земли, вошедшія въ составъ Литовскаго государства, перечисляются въ лѣтописи Нестора, какъ наиболѣе древнія, образованіемъ своимъ коренящіяся еще въ доисторическомъ времени: „и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ (Кіевская земля); въ Деревляхъ было свое (Древлянская земля, которая въ половинѣ 10 в. потеряла свою самостоятельность и слилась съ Кіевскою), а Дреговичи свое (Турово-Пинская земля, одна часть которой въ послѣдствіи присоединилось къ з. Кіевскою, а другая часть вошла въ составъ з. Полоцкой); а Словени свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане (Полоцкая земля). Къ числу древнѣйшихъ княженій надо отнести также и Волынскую землю, не упоминаемую начальной лѣтописью¹⁾. Всѣ эти земли въ древности служили главнымъ поприщемъ, на которомъ совершалась политическая и культурная жизнь русскаго народа; на ихъ территоріи главнымъ образомъ дѣйствовали также тѣ обычаи, которые были собраны въ Русской Правдѣ²⁾. Спрашивается, какой участи подверглось обычное право упомянутыхъ русскихъ земель, послѣ того какъ онѣ потеряли свою самостоятельность и были присоединены къ Литвѣ? Не было ли оно вытѣснено, не измѣнилось ли оно подъ вліяніемъ литовскаго владычества?

¹⁾ „Обзоръ исторіи русскаго права“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова стр. 21.

²⁾ „Помѣстья Литовско-Русскаго государства“ того же автора стр. 2.

Этотъ вопросъ необходимо поставить и дать ему то или другое разрѣшеніе, потому что исторія показываетъ намъ не мало примѣровъ, когда побѣдитель силой искоренялъ національный бытъ покореннаго народа и на развалинахъ старыхъ порядковъ мечомъ и кровью писалъ новые законы; кромѣ того, въ частности относительно литовскаго господства надъ русскими землями въ исторической литературѣ существуетъ мнѣніе, что оно кореннымъ образомъ нарушило исконныя основанія русскаго общественнаго и частнаго быта, перестроивъ ихъ по типу феодальному ¹⁾.

Какого либо внезапнаго переворота въ сферѣ обычнаго права русскихъ земель послѣ подчиненія ихъ Литвѣ мы не можемъ допустить прежде всего потому, что подобному предположенію противорѣчатъ условія присоединенія русскихъ земель къ Литовскому княжеству. Дѣло въ томъ, что западно-русскія области не были завоеваны литовскими князьями; онѣ присоединились къ Литвѣ силой историческихъ обстоятельствъ. Полоцкіе князья, занятые внутренними междоусобіями, сами призывали къ себѣ на помощь лит. князей, которые, втянувшись во внутреннія дѣла Полоцкой земли, мало по малу подчинили ее своей власти ²⁾. По отношенію къ Смоленской землѣ лит. князья также сперва находились въ положеніи ея союзниковъ и покровителей; вмѣшательство ихъ во внутреннія дѣла этой земли постепенно и незамѣтно подготовило потерю ея политической самостоятельности и присоединеніе ея къ Лит. государству ³⁾. Витебская земля присоединилась къ Литвѣ вслѣдствіе брака вел. кн. литовскаго Ольгерда съ Маріей—дочерью послѣдняго князя Витебской земли. Только южно-русскія земли—Волынская и Кіевская—силой оружія были приведены въ зависимость отъ Литвы; впрочемъ, лѣтописное сказаніе объ этомъ признается нѣкоторыми историками невѣрнымъ ⁴⁾; кромѣ того, мы знаемъ, что населеніе южной Руси со времени подчиненія ея Литвѣ не испытывало никакихъ притѣсненій: относитель-

¹⁾ Проф. Леонтовичъ „Очерки исторіи Литовско-Русскаго права“. Журн. Мин. Нар. Пр. 1893 г. № 3-й.

²⁾ „Монографія по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи“ В. Б. Антоновича, т. 1-й стр. 21.

³⁾ В. Б. Антоновичъ „Монографія“ т. 1-й стр. 111—113.

⁴⁾ *ibidem* стр. 47—58.

по Кіева, напрімѣръ, извѣстно, что первыми его правителями, подвластными в. кн. литовскому, были князья Владиміръ и Скиргайло—лица, преданныя интересамъ русскаго народонаселенія и крещенныя по православному обряду ¹⁾.

На основаніи этихъ фактовъ нельзя думать, что лит. господство могло ложиться подавляющимъ гнетомъ на внутренній бытъ русскаго населенія присоединенныхъ земель, что оно прервало или заглушило мирное органическое развитіе тѣхъ правовыхъ институтовъ, которые нашли себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ.—Можно было ожидать другой опасности отъ присоединенія русскихъ земель къ Литвѣ: извѣстно, что національное право можетъ быть поколеблено и видоизмѣнено не только чрезъ репрессивныя мѣры побѣдителя, но и путемъ мирнаго культурнаго вліянія другаго народа. Однако съ этой стороны литовское племя было безсильно; стоя на низкой ступени цивилизаціи, оно не обладало такой культурной силой, чтобы поработить ею русскую народность. Русская культура стояла гораздо выше литовской, и лит. племя само должно было подчиниться ей, не вливъ въ нее своего собственнаго содержанія. Что касается въ частности правовой жизни Литвы, то развитіе ея вполне соответствовало общему состоянію лит. цивилизаціи; мы не находимъ ни одного памятника лит. права; поэтому оно не могло устоять подъ вліяніемъ болѣе высоко-развитаго русскаго права.—Дѣйствительно, различные письменные памятники Лит.-Русскаго государства, именно—договорныя грамоты лит. князей (1366 и 1440 гг.), грамоты на магдебургское право, еврейскій привилей и др. документально свидѣтельствуютъ о томъ, что въ 14 и 15 вв. на территоріи Лит.-Русскаго государства дѣйствовало русское, а не иное какое либо право ²⁾.

Таково было фактическое положеніе дѣла, но оно получило также юридическую санкцію. Первые болѣе важныя акты законодательной дѣятельности в. кн. литовскихъ, именно—Уставныя грамоты, не

¹⁾ В. Б. Антоновичъ „Кіевъ, его судьба и значеніе съ 14 по 16 ст.“; см. „Монографія“ стр. 232, 233 и др.

²⁾ Указанія этихъ памятниковъ относительно дѣйствія русскаго права въ Литвѣ собраны въ статьѣ проф. Леонтовича „Русская Правда и Литовскій Статутъ“ (стр. 3—5) и въ книгѣ М. Н. Ясинскаго. „Уставныя Земскія Грамоты Лит.-Русскаго государства“ (стр. 2—3).

только не устранили обычного права, дѣйствовавшаго въ отдѣльныхъ русскихъ земляхъ, но напротивъ, санкціонировали его и тѣмъ сообщили ему еще ббльшую силу. Эти уставныя грамоты подтверждались потомъ въ теченіе 15-го и даже 16-го вв. Во второй половинѣ 15 в. (1468 г.) была сдѣлана попытка создать обще-земскій кодексъ: она выразилась въ изданіи Судебника; попытка эта однако оказалась неудачной въ томъ отношеніи, что названный Судебникъ, при скудости и односторонности своего содержанія, далеко не исчерпывалъ всѣхъ нормъ, бывшихъ въ правовомъ оборотѣ дѣйствительной жизни. Вслѣдствіе этого обычное право до изданія 1-го Лит. Статута продолжало занимать въ практикѣ первенствующее мѣсто. Первый Лит. Статутъ, провозгласивъ господство писаннаго закона (I. 9), всетаки не могъ вытѣснить изъ практики обычное право: законодатель сознавалъ неполноту закона и потому предоставлялъ судьямъ право, если встрѣтится какой либо случай, не находящій себѣ разрѣшенія въ законѣ, руководиться старыми обычаями (VI. 1, 6, 37); такимъ образомъ, обычному праву придавалось уже значеніе второстепеннаго субсидіарнаго источника права; кромѣ того, законодатель указывалъ, что область примѣненія его должна съ теченіемъ времени сокращаться чрезъ постепенное пополненіе Лит. Статута „на вальныхъ сеймахъ“ по указаніямъ судебной практики (VI. 37). Но если обратить вниманіе на тѣ узаконенія послѣдующаго времени, которыя были вызваны сеймовыми петиціями шляхетства отдѣльныхъ русскихъ земель, то въ нихъ нельзя обнаружить такого стремленія устранить изъ практики обычное право. „Отказы“ короля весьма часто не заключаютъ въ себѣ никакого опредѣленнаго постановленія: король ссылается только на давній обычай, т. е. оставляетъ предметъ просьбы въ томъ положеніи, какъ онъ регулировался на основаніи обычного права. Обыкновенно королевскіе „отказы“ по поводу шляхетскихъ петицій выражались въ такой формѣ: „ижъ его королевская милость старыхъ обычаевъ не нарушаючи, рачить тую рѣчь такъ зоставляти, яко и передъ тымъ было“ (А. З. Р. т. 3-й № 11—Уставы, данные Литвѣ въ 1551 г. на сеймѣ Виленскомъ, § 28); „то его королевская милость рачить заховати водле давняго обычая“ (А. З. Р. т. 3-й № 13—Прозьбы земли Жо-мойтское на Виленскомъ сеймѣ 1551 г. § 7, 8). Если королю казалось, что въ поданной ему петиціи шляхетство стремилось къ измѣненію стараго обычая, то онъ возражалъ такимъ образомъ: „ижъ такъ

зжобы нерадъ новыхъ рѣчей на сее панѣство свое отчизное вносишь, такъ же бы тежъ и старыхъ рѣчей не хотѣлъ ни въ чомъ опущати; а такъ рачить его королевская милость то все заховывати водлѣ давного обычая" (А. З. Р. т. 3-й № 11. Уставы, данныя Литвѣ на Виленскомъ сеймѣ 1551 г. § 14) ¹⁾.

Всѣ эти примѣры убѣждаютъ насъ въ томъ, что послѣ изданіи 1-го Лит. Статута подъ регламентаціей обычнаго права оставалась еще обширная область юридическихъ отношеній.—Второй Лит. Ст. умалчиваетъ относительно пользованія обычнымъ правомъ въ судахъ въ случаѣ неполноты закона; но изъ этого не слѣдуетъ, что судьи не могли обращаться къ нему, если бы оказалась въ томъ надобность. Въ окружной грамотѣ 1576 г. Стефанъ Баторій прямо предписывалъ судьямъ руководиться обычнымъ правомъ наряду съ Лит. Статутомъ, говоря: „и баша бы милость, панове рада наши и вси станы“ и т. д. „всякіе sprawy, врядомъ вашей милости сенаторскимъ, также врядомъ гродскимъ и земскимъ повѣтовымъ належные, подъ зверхностью и титуломъ нашимъ Господарскимъ радили и справовали, и sprawy судовые *водль обычая права посполитаго и Статуту вел. князства лит. отправовали*“ ²⁾. Только въ 3-й ред. Л. Ст. законодатель предписываетъ судьямъ въ случаѣ неполноты закона руководиться „привладомъ иншихъ правъ хрестіаньскихъ“ (IV. 54).

Если обычное право имѣло въ Лит.-Русскомъ государствѣ почти до конца 16 в. такую же силу, какъ и законъ, то изъ этого слѣдуетъ, что редакторы Л. Статута неминуемо должны были обратиться къ нему въ большей степени при составленіи 1-го Статута, когда оно охватывало болѣе широкую сферу юридическихъ отношеній, и въ меньшей степени при составленіи послѣдующихъ его редакцій, когда оно было въ значительной степени вытѣснено и замѣнено закономъ. Дѣйствительно, относительно 1-го Лит. Статута въ Бѣльскомъ привилеѣ 1564 г. такъ го-

¹⁾ См. также А. З. Р. т. 3-й № 4-й—Прозьбы Литовскихъ чиновъ, § 21; № 13—Уставы, данныя Литвѣ на Виленскомъ сеймѣ 1554 г. § 9, 28; „Прозьбы земли Жомойтское“ на Виленскомъ сеймѣ 1554 г. § 8 и т. д.

²⁾ Л. З. Р. т. 3-й № 66; такое же значеніе имѣетъ слѣд. королевское постановленіе 1578 г.: „гдѣ бы ся которому жиду на ратушу у права Майдеборскаго о бой справу мѣти пографило правомъ земскимъ, *водль обычая права посполитаго и статуту земского изъ судили и справовали*“ (А. З. Р. т. 3-й № 92).

ворится¹⁾: (Сигизмундъ 1-й) „выдати и утвердити рачиль ку справованью и захованью, то есть справедливости светое, статутъ правъ и поступковъ хрестіанскихъ, которая справедливость ачъ и предъ тымъ въ томъ панствѣ нашомъ В. Кн. Лит. звычайемъ стародавнымъ была, вѣдже писмомъ не объяснена была а ни утвержена“; значитъ, 1-й Л. Статутъ письмомъ утвердилъ и объяснилъ то право, которое раньше дѣйствовало въ формѣ обычая.—Является теперь вопросъ, откуда и какъ могли составители 1-го Статута получать свѣдѣнія о нормахъ обычнаго права, дѣйствовавшихъ въ Лит.-Русскомъ государствѣ? Прямыхъ указаній на этотъ счетъ мы не находимъ въ памятникахъ, но воцерв., мы можемъ предположить, что редакторы Статута черпали нормы права изъ живаго, современнаго имъ обычнаго права непосредственно²⁾; во вторыхъ, по нѣкоторымъ даннымъ можно допустить болѣе или менѣе правдоподобное предположеніе, что составителямъ 1-го Лит. Статута была извѣстна Русская Правда, которая могла служить имъ пособіемъ при кодификаціи своими указаніями на то, въ чемъ заключались нормы русскаго обычнаго права, какъ ихъ слѣдовало формулировать и т. п.

¹⁾ „Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей російскихъ“ кн. 23-я.

²⁾ Извѣстно, что немного спустя послѣ изданія 1-го Л. Статута въ Польшѣ былъ составленъ проектъ уложения (который однако не былъ утвержденъ законодательной властью) подъ названіемъ „Correctura Statutorum et Consuetudinum Regni Poloniae“. По этому поводу слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующую мѣру Сигизмунда 1-го, принятую имъ для доставленія свѣдѣній о нормахъ обычнаго права въ редакціонную комиссію, составлявшую названную Correctur'у: „такъ какъ въ нашемъ королевствѣ не только писанныя конституціи, но и старыя обычаи во многихъ мѣстахъ соблюдаются, какъ законы, то постановляемъ, чтобы каждый въ отдѣльности воевода списалъ обычаи своего воеводства и прислалъ ихъ сюда къ намъ въ Краковъ къ 1-му мая, и мы предоставимъ ихъ, какъ и остальные права, сужденію редакторовъ, чтобы въ нихъ равно, какъ и въ остальныхъ статутахъ, были установлены равноправіе (aequalitas) и однообразный порядокъ судовъ, съ устраненіемъ противорѣчивыхъ, темныхъ и двусмысленныхъ толкованій (Volumina legum т. 1-й, 500). Это предписаніе относится къ 1532 г., между тѣмъ какъ Л. Статутъ былъ изданъ въ 1529 г.; кромѣ того, въ Литвѣ до изданія 1-го Статута господствовало такое же правовое состояніе, какъ и въ Польшѣ при составленіи Correctur'ы, т. е. обычай имѣлъ равную силу съ закономъ. Слѣдовательно, возможно допустить, что и при составленіи Статута была употреблена Сигизмундомъ 1-мъ подобная же мѣра, т. е. судебныя мѣста должны были доставлять свѣдѣнія объ обычномъ правѣ редакторамъ Статута.—Относительно Польши извѣстно также, что еще въ 1520 г. Сигизмундъ повелѣвалъ воеводамъ отдѣльныхъ земель подъ угрозой наказанія собирать и доставлять юридическіе обычаи, которые были необходимы для составленія польскаго кодекса (Vol. leg. т. 1-й, 393).

Думаютъ, что Русская Правда вообще пользовалась извѣстностью въ Лит. государствѣ въ продолженіе 14 и 15 вв. Именно, по мнѣнію проф. Леонтовича, договорныя грамоты литовскихъ князей (1366 и 1440 гг.) имѣютъ въ виду Русскую Правду всякій разъ, когда онѣ ссылаются на „княжую правду“ или „великаго князя правду“¹⁾. Кроме того, въ Судебникѣ Казимира находятся нѣкоторые слѣды того, что составители его имѣли въ рукахъ Р. Правду; слѣды эти заключаются не въ сходствѣ содержанія названныхъ памятниковъ, сходствѣ, которое можетъ быть приписано однородности обычнаго права, изъ котораго они черпали свое содержаніе; слѣды эти касаются сходства формы, которое могло явиться только вслѣдствіе подражанія составителей Суд. Казимира Р. Правдѣ: такъ—заключительная статья Судебника (25) о мостовой повинности, по мнѣнію М. Ф. Влад.-Буданова, присоединена къ нему, вѣроятно, подъ влияніемъ Р. Правды, также оканчивающейся „урокомъ мостовниковъ“ (Ак. Сп. 43.)²⁾.— Что касается указаній относительно того, что редакторы Л. Статута пользовались Р. Правдой, то они заключаются въ самомъ же Статутѣ и также вытекаютъ не изъ внутренняго родства обоихъ этихъ памятниковъ, а изъ внѣшняго сходства нѣкоторыхъ опредѣленій. Такъ постановленія 12-го разд. 1-го Стат., опредѣляющія вознагражденіе за птиць и собакъ (12 арт.—„цена птахомъ ловчимъ“, 13—„цена птахамъ домовымъ“, 14—„цена собакамъ“) сходны вполне по видамъ перечисляемыхъ въ нихъ птиць съ такими же статьями Р. Правды, стоящими подъ рубрикой: „о перевѣсѣхъ и о птицахъ“ (Кар. Сп. 93—95, Ак. Сп. 35—37); 9-й арт. 12-го разд. 1-го Статута („навязка на волю и коровы и иное быдло“) таксируетъ вознагражденіе за разные виды домашнихъ животныхъ; въ Р. Правдѣ находится почти тождественная статья, назначающая „уроки смердомъ“ относительно тѣхъ же самыхъ видовъ домашнихъ животныхъ (Кар. Сп. 42, Ак. сп. 26); артикулы 1—4 11-го разд. 1-го Ст. „о головщинахъ людей путныхъ и мужицкіе и паробочкіе“ во многомъ сходны съ подобными же статьями Р. Правды, опредѣляющими „урокъ“ за убіеніе холопа, ремесленника и смерда (Кар. 11—14, Ак. 22—24) и т. д.

¹⁾ „Русская Правда и Лит. Статутъ“ стр. 3.

²⁾ М. Ф. Владимірскій-Будановъ „Христоматія по исторіи русскаго права“. Вып. 2-й стр. 45, прим. 38.